

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-292-306

Типология исторической памяти о Второй мировой войне: методологические аспекты изучения (на примере студенчества РУДН)*

Ж.В. Пузанова¹, Н.П. Нарбут^{1,2}, Т.И. Ларина¹, А.Г. Тертышникова¹

¹Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

²Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН
ул. Кржижановского 24/5–5, Москва, Россия, 117218
(e-mail: puzanova-zhv@rudn.ru; narbut-np@rudn.ru;
larina-ti@rudn.ru; tertyshnikova-ag@rudn.ru)

Изучение массового сознания — одна из наиболее актуальных социологических проблем. Историческая память выступает частью массового сознания и очевидно, что историческая память об одном и том же событии будет иметь специфику в зависимости от социума. Память о Второй мировой войне в настоящий момент выступает объектом манипулирования со стороны политических сил в разных странах с целью изменить общественное мнение в пользу заинтересованных сторон. Особенно таким манипуляциям подвержена молодежь. Студенческая молодежь к тому же является реактивной силой общества и может впоследствии воспринятые влияния перевести в действия. Изучение исторической памяти, которой обладает интернациональное студенчество, дает уникальную возможность получить представления о взглядах на Вторую мировую войну в масштабе всего мира и создать их типологию. В статье приводится вариант типологии исторической памяти, основанный на классической структуре социальной установки и состоящий из аффективного (взгляды на справедливость итогов войны), когнитивного (знания основных вех войны) и поведенческого компонентов (знание и посещение памятных мероприятий по случаю окончания войны и наличие семейных историй). Всего выделено девять типов исторической памяти. Самый большой процент респондентов обладает эмоционально-историческим типом памяти, формально-историческим и «беспамятством». Если не учитывать «беспамятство», доля которого ниже среди российских студентов, у иностранных студентов преобладают эмоционально-исторический и формально-исторический типы памяти, а среди российских студентов — формально-исторический и ценностно-исторический типы. В статье показано, как был выделен каждый тип памяти. В этом смысле она может быть полезна методологам и специалистам в области социологии истории.

Ключевые слова: Вторая мировая война; историческая память; российские студенты; иностранные студенты; реконструкция истории; фальсификация истории

Суть исторической памяти состоит в осознанном отражении прошлого во всем его многообразии, однако существует множество проблем, связанных с интерпретацией исторических фактов. Исторический факт рассматривают с

* © Пузанова Ж.В., Нарбут Н.П., Ларина Т.И., Тертышникова А.Г., 2020.
Статья поступила 18.01.2020 г. Статья принята к публикации 02.03.2020 г.

двух сторон: как историческое явление и как научное отражение явления, имевшего место в реальной жизни. Несмотря на то, что данные социологических исследований представляют собой ценный источник, раскрывающий важные стороны исторического бытия, они редко используются в исторических исследованиях.

Историческая память представляет собой сложное динамическое проявление психики и является двухуровневой структурой, включая в себя сознательную (что человек ответит, если задать ему соответствующий вопрос) и бессознательную память (чего человек не знает, но что неосознанно влияет на него и его окружение). Под искажением (фальсификацией) истории понимается вытеснение фактов из сознательной памяти в бессознательную. Это имеет негативные последствия, выражающиеся в социальной невротизации, которая ведет к утрате исторической памяти о фактах и обращении к иррациональным объяснениям событий в случае социального кризиса [1. С. 77]. Так, пустующее место фактов в памяти могут занять мифы, на которых воспитываются целые поколения, поэтому мониторинг содержания исторической памяти и ее реконструкции в социологии крайне важен.

Необходимо различать термины «историческая реконструкция» и «реконструкция истории». Социально-гуманитарные науки чаще всего обращаются к реконструкции с целью восполнения недостающих знаний о прошлом. Исторические науки используют реконструкцию для восстановления событий, поведения, социальной организации определенного периода. Понятие реконструкции истории имеет выраженное социологическое и социолингвистическое значения. При рассмотрении в контексте социальных практик и молодежной культуры историческая реконструкция — это социальное действие, имеющее целью воссоздать материальную и духовную культуры прошлого [2. С. 182]. Метод социологической реконструкции посредством изучения и понимания социальных фактов прошлого позволяет делать выводы о настоящем и составлять прогнозы на будущее [2. С. 181]. В статье понятия «историческая реконструкция» и «реконструкция истории» не тождественны, мы говорим только о «реконструкции истории», которая не является социальной практикой, а в широком смысле может пониматься как применяемый большинством гуманитарных наук метод исследования.

Н.Л. Мысливец и О.А. Романов справедливо полагают, что историки и социологи — основные игроки на поле *memory studies* — не сумели пока, несмотря на декларируемую междисциплинарность, найти общий язык относительно инструментария и задач работы. По-прежнему острой остается задача описания реального состояния исторической памяти, комплексного исследования ее содержания и функций, особенностей эволюции, роли государственной политики и учреждений образования и культуры в ее формировании и развитии [4. С. 17]. В статье представлены результаты части проекта «Реконструкция исторической памяти в контексте социальной

справедливости: к 75-летию Великой Победы», в котором реконструкция понимается в узком (методологическом) смысле, и попытка описания реального состояния исторической памяти.

В современном обществе обостряется конфликт между достоверными данными о войне и их фальсификацией. Исследователи стремятся заново истолковать события прошлого, поскольку спустя годы многие события воспринимаются иначе, публикуются новые документы, открываются новые сведения [9; 10]. Проблема состоит в том, что как только из истории вычеркиваются какие-либо факты, их место сразу занимают мифы и ложные интерпретации. Осознание существования антагонистических «воспоминаний» о событиях прошлого с современной плюралистической точки зрения выдвинуло на первый план вопросы исторической памяти и идентичности не только в общественном сознании, но и в научных дискуссиях. Проблема заключается в том, что в качестве реконструкции исторических событий часто выдаются фальсифицированные факты.

Понятие фальсификации истории обычно обозначает сознательное искажение исторических событий с определенной, чаще всего политической целью. В узком смысле под фальсификацией истории понимается тенденциозная трактовка, выборочное цитирование или манипуляция источниками информации для создания искаженного образа исторической реальности [1. С. 30]. Фальсификация истории может быть обусловлена идеологическими, политическими, коммерческими и другими мотивами. Выделяют две основные группы целей фальсификации. Первая представляет собой социально-политические, геополитические и идеологические мотивы, которые могут быть связаны с пропагандой, нацеленной на компрометацию страны на международной арене. Вторая группа мотивов содержит личностно-психологические и коммерческие мотивы, нацеленные на самоутверждение, получение известности, общественного признания в короткие сроки посредством «сенсации», которая может перевернуть существующие в обществе представления о событиях прошлого [1. С. 31]. Любые попытки объединения разных исторических интерпретаций, а также поиск идеологического консенсуса обречены на провал, поскольку приводят к нарушению причинно-следственных связей и, как следствие, к противоречивым выводам, недостоверным с научной точки зрения.

Одним из средств непрекращающейся информационной борьбы против России является фальсификация итогов Второй мировой войны. Изменению геополитической обстановки в мире в конце XX века способствовал распад Советского Союза и биполярной системы эпохи холодной войны, которые привели к установлению однополярного мира во главе с США и их союзниками. При этом Российская Федерация как правопреемник СССР остается государством, которое проводит суверенную политику, поэтому у апологетов сохранения однополярного мира существует объективная заинтересованность в

том, чтобы принизить роль России в международных делах, в том числе в рамках «нового прочтения» итогов Второй мировой войны, которое позволило бы перевести Россию из разряда страны-победителя в разряд государства-агрессора. Эти попытки длятся уже 75 лет, но в нынешних условиях становятся заметными как никогда прежде. Этому отчасти содействует «кибернетическая революция» в информационном пространстве, которая повлекла за собой внедрение во все сферы жизни систем, основанных на применении электронных устройств, с помощью которых поставленные цели достигаются быстрее и эффективнее. Эти устройства стали ключевым средством достижения политических и иных целей в информационной войне, чем и пользуются фальсификаторы истории, стремясь внедрить в сознание человечества новую версию событий: Запад в предлагаемом новом прочтении истории Второй мировой войны является спасителем человечества от чумы XX века — тоталитаризма (нацизма и сталинизма), а Российская Федерация предстает наследницей агрессивной тоталитарной советской империи. Такие вымыслы характерны для политиков и историков, которые стремятся сделать карьеру на разжигании национальной и расовой вражды. Для этого они либо подтасовывают факты, которые несут основную смысловую нагрузку в исторических событиях, либо извращают их. В этой связи рассмотрение реконструкции истории в контексте исторической памяти приобретает особую актуальность.

Согласно аналитике ВЦИОМ за 2019 год, при ответе на вопрос «Как Вы думаете, насколько серьезный вклад в победу во Второй мировой войне внес СССР?» в самой молодой возрастной группе 18–24 летних доля тех, кто склонен полагать, что вклад СССР основной и очень значительный, оказалась меньше — 74% против 79%–90% в других возрастных группах, и больше тех, кто говорит, что СССР не внес никакого вклада [8]. Это показывает небезуспешность фальсификаций, направленных, прежде всего, на молодежь. В России и других постсоветских странах не только падает уровень знания истории, но и меняется социальная норма: представители молодого поколения легче, по сравнению со старшими, признаются в незнании истории и чаще считают правильным не испытывать особых эмоций по поводу событий прошлого [6]. Это может быть результатом как идеологических влияний, так и политики в сфере образования.

Изучение исторической памяти важно в общероссийском масштабе, но еще интереснее получить оценки одних и тех же событий представителями разных стран — такая возможность есть в РУДН. Изучение сознания студенчества как наиболее реактивной силы общества, в то же время наиболее подверженной влиянию современных средств массовой информации, чрезвычайно актуально. В центре статьи — результаты проекта, посвященного реконструкции исторической памяти о Второй мировой войне в контексте справедливости, которые касаются типологии исторической памяти, где предпринята попытка совместить сознательные и бессознательные аспекты.

В методологическом плане любая типология — это авторский конструкт. Предложенная типология базируется на концепте структуры социальной установки, включающей когнитивный, аффективный и поведенческий аспекты. За когнитивный компонент отвечают вопросы о датах войны, за аффективный — вопрос о справедливости исхода, за поведенческий — вопрос о памятных мероприятиях, а также семейных историях, связанных с войной. В исследовании была использована квотная выборка — опрошены 456 российских студентов и 416 иностранных. Генеральная совокупность — 14824, квоты были заданы по 12 факультетам и институтам, курсам и регионам мира (Латинская Америка — 32 респондента, 7,6% генеральной совокупности, Африка — 85, 20,4%, Ближний и Средний Восток — 43, 10,3%, Азия — 96, 23%, Европа — 41, 9,8%).

Чтобы определить, какие типы памяти присутствуют у респондентов, необходимо высчитать, какие характеристики их составляют. Были выбраны три индикатора для расчета интегральной переменной по типам памяти: справедливость, знания и память. У каждого индикатора есть компоненты, из сочетания которых получается набор характеристик для определения типа памяти. Всего было выделено 9 типов памяти: лично-историческая, диспозиционная, формально-историческая, эмоционально-историческая, фрагментарно-историческая, мифологическо-историческая, субъективно-историческая, ценностно-историческая, «беспамятство».

На основе подхода К.С. Романовой были выделены «мягкая» и «жесткая» память: «мягкая» память — личная, субъективная, запечатленная в дневниках и воспоминаниях; «жесткая» — закрепленная в форме разнообразных мест памяти, музейных экспозиций, календаря официальных памятных дат, мемориалов и церемониалов [7. С. 34]. Индикатор «память» раскладывается на: мягкую (1); жесткую (2); полную (3). Для определения наличия «жесткой» памяти был использован ряд вопросов, среди которых наиболее важный — «Укажите, пожалуйста, в первом столбце таблицы, какие мероприятия, проводимые в вашей стране и приуроченные ко Второй мировой войне, Вы знаете. Подчеркните, пожалуйста, «да» во втором столбце, если Вы принимали участие в этом мероприятии хотя бы один раз, или «нет», если не принимали участие. Если Вы затрудняетесь ответить, переходите к следующему вопросу». «Мягкая» память классифицирована по ответам на вопрос «У многих есть семейные истории, связанные с событиями Второй мировой войны. Если в Вашей семье есть такие истории, пожалуйста, напишите кратко ту (ключевые моменты), которая имеет для Вас наибольшее значение?». Если респондент отвечал на оба вопроса, был диагностирован тип памяти — «полный».

Индикатор «знания» раскладывается на: исчерпывающие (4); неисчерпывающие (5). Знания были классифицированы на основе ряда вопросов, основные из которых — «Назовите дату начала Второй мировой войны» и «Назовите дату конца Второй мировой войны». Индикатор «справедливость»

раскладывается на: точка зрения — «справедливо» (6); точка зрения — «несправедливо» (7). Были использованы вопросы-индикаторы, основной из которых «Считаете ли Вы или не считаете справедливой точку зрения, согласно которой СССР одержал победу во Второй мировой войне?». Варианты ответов: «1) Да, я считаю; 2) Нет, я не считаю; 3) Затрудняюсь ответить».

Каждой характеристике присвоено число, разные сочетания характеристик дают разные типы памяти. Итак, сочетания (1+4+6), (1+6) и (3+4+6) дают нам лично-исторический тип памяти, (2+4+6) и (4+6) и (2+6) и (2+4) — формально-исторический, (3+4+6) — диспозиционный тип памяти. Сочетания (1+5+6), (5+6) и (1+6) говорят об эмоционально-историческом типе памяти. При сочетаниях (2+5+6) и (2+6) получается фрагментарно-исторический тип. (3+5+6) и (3+6) дают ценностно-исторический тип памяти. Мифологическо-исторический тип получается при сочетаниях (2+5+7) и (2+7). Сочетания (1+4+7), (2+4+7) и (1+7) дают субъективно-исторический тип. Все остальные сочетания мы относим в категорию «другое». Сочетание («отсутствие ответа» + 5 + «отсутствие ответа») определяется как «беспамятство» (Табл. 1).

Таблица 1

Типы исторической памяти

Тип памяти	Память		Знания			Взгляды на справедливость	
	«Мягкая» (1)	«Жесткая» (2)	Полная (3)	Исчерпывающие (4)	Неисчерпывающие (5)	Точка зрения — «справедливо» (6)	Точка зрения — «несправедливо» (7)
лично-историческая	✓		✓	✓		✓	
диспозиционная			✓	✓		✓	
формально-историческая		✓		✓		✓	
эмоционально-историческая	✓				✓	✓	
фрагментарно-историческая		✓			✓	✓	
мифологическо-историческая		✓			✓		✓
субъективно-историческая	✓	✓		✓			✓
ценностно-историческая			✓		✓	✓	
«беспамятство»					✓		

Сначала рассмотрим данные по первому индикатору — справедливости. Согласно результатам опроса, большинство респондентов (73,4%) считают справедливым утверждение, что СССР стал победителем во Второй мировой войне, всего 6,8% не согласны с этим. 18,5% отметили, что затрудняются ответить на вопрос. Согласны с этим утверждением 69,1% иностранных студентов и 77,4% российских. Однако 11% иностранных студентов считают несправедливым утверждение о победе СССР, а российских студентов, придерживающихся данного мнения, всего 3,3% (Рис. 1).

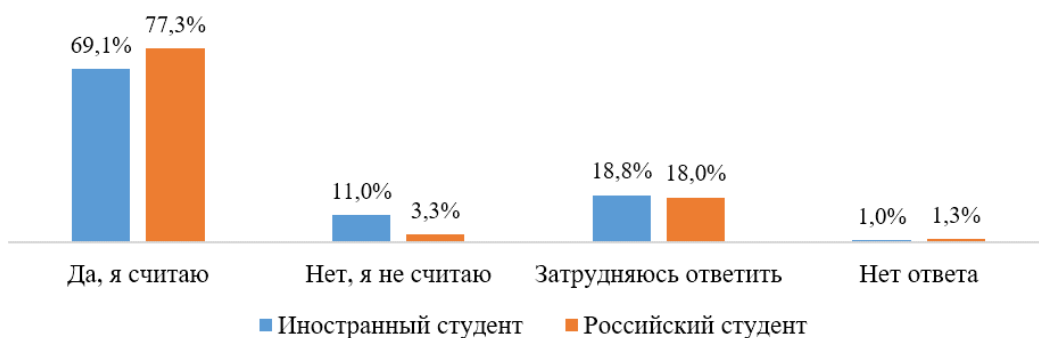

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Считаете ли Вы или не считаете справедливой точку зрения, согласно которой СССР одержал победу во Второй Мировой войне?»

Студенты стран Ближнего и Среднего Востока и Европы в большей степени считают справедливым утверждение о победе СССР во Второй мировой войне (90,5% и 86,5% соответственно), а студенты из Африки (50,7%) и Латинской Америки (67,7%) в меньшей степени согласны с данным утверждением. Также в Африке выше количество студентов, выбравших ответ «нет, не считаю» — 20% (Рис. 2).

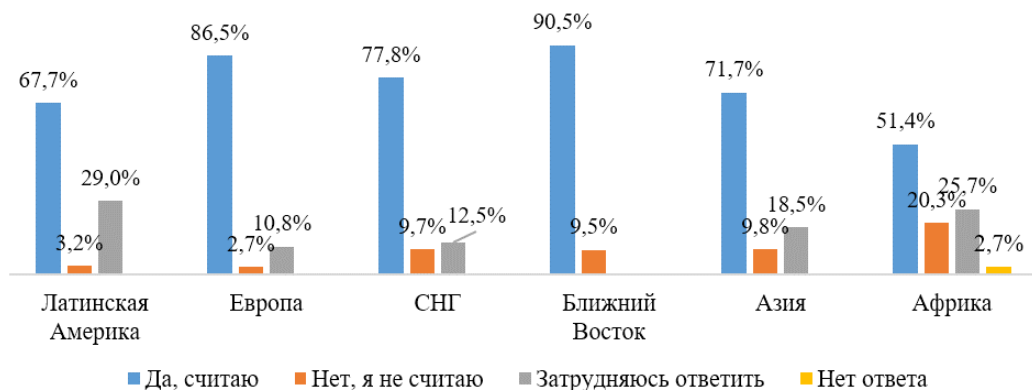

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Считаете ли Вы или не считаете справедливой точку зрения, согласно которой СССР одержал победу во Второй мировой войне?»

Рассмотрим данные по второму индикатору — знания. Чуть больше половины опрошенных не могут правильно ответить на вопрос о дате начала Второй мировой войны (51%), 38,3% знают правильный ответ. Самый популярный ответ на вопрос «дата начала Второй мировой войны» — 1941 год, хотя правильным ответом является 1 сентября 1939 года. 10,7% студентов оставили вопрос без ответа. Большинство иностранных студентов не сумело верно ответить на вопрос (60,7%), как и 43,6% российских студентов (48,4% ответили верно). Всего 25,1% иностранных студентов смогли верно назвать дату, т.е. процент правильно ответивших иностранцев почти в три раза меньше, чем процент ответивших неправильно (Рис. 3).

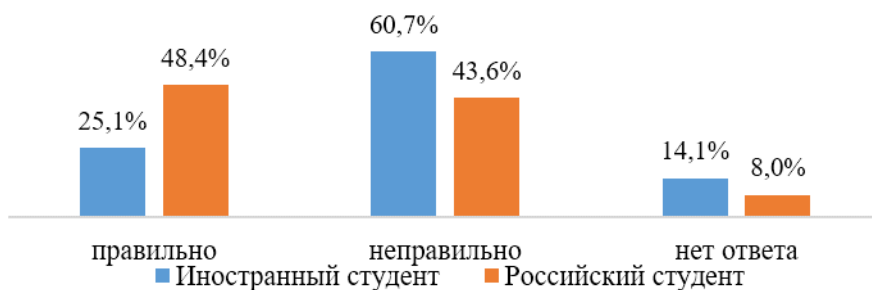

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Назовите дату (день, месяц, год) начала Второй мировой войны»

Студенты из многих регионов дали неправильные ответы на вопрос о дате начала Второй мировой войны, самый высокий показатель неправильных ответов у респондентов из Европы и Латинской Америки (81,1% и 77,4% соответственно). Однако почти половина студентов из СНГ дали верный ответ на вопрос (48,6%), 38,9% ответили неверно, что является значительным показателем, но меньшим в сравнении с другими регионами (Рис. 4).

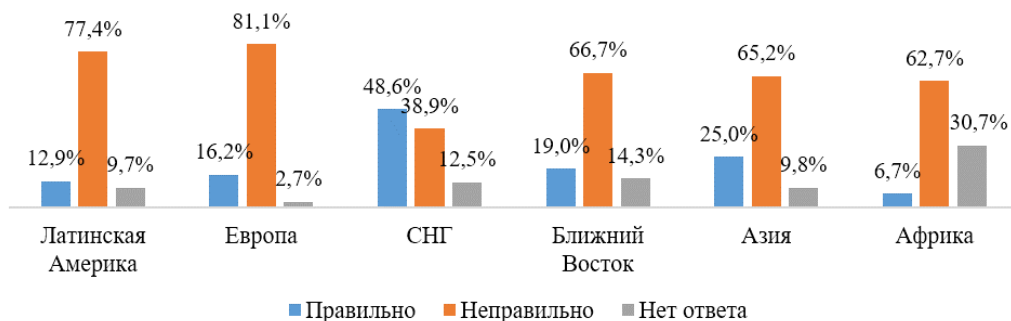

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «Назовите дату (день, месяц, год) начала Второй мировой войны»

Ситуация с ответами на вопрос о дате окончания Второй мировой войны почти такая же: как и в предыдущем вопросе, большинство респондентов не

смогли дать верный ответ (60,5%), но заметно меньше респондентов ответили верно. Самым распространенным ответом на вопрос о дате окончания Второй мировой войны стало 9 мая 1945 года, хотя верный ответ — 2 сентября. Большинство студентов, независимо от гражданства, не смогли верно ответить на вопрос, хотя среди российских студентов процент неправильно ответивших меньше (65,2% и 57,3% соответственно) (Рис. 5).

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос «Назовите дату (день, месяц, год) конца Второй мировой войны»

Большинство респондентов, давших неверный ответ, — студенты из Латинской Америки (77,4%) и Европы (81,1%). Однако и половина опрошенных из СНГ не смогла дать верный ответ (38,9% указали правильную дату окончания войны) (Рис. 6).

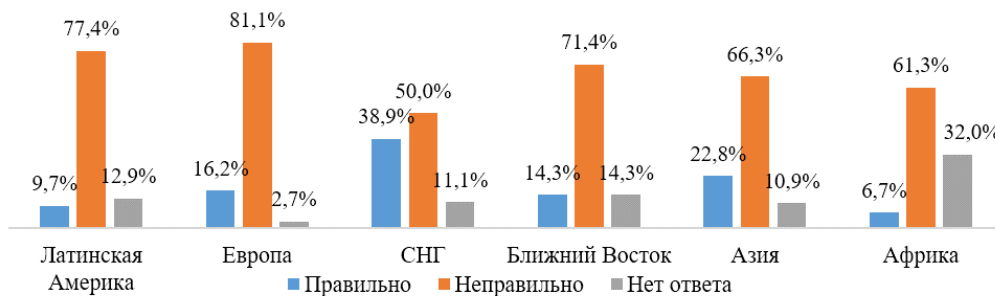

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос «Назовите дату (день, месяц, год) конца Второй мировой войны»

Судя по результатам ответов на оба вопроса, среди студентов преобладают неисчерпывающие знания (неверные ответы на оба вопроса или один из них) о событиях Второй мировой войны (48,3%), и лишь 26,4% обладают полными знаниями (верные ответы на оба вопроса). 58,4% иностранных студентов обладают неисчерпывающими знаниями, у российских студентов этот показатель ниже — 40,9%. Обратная ситуация с исчерпывающими знаниями: у российских студентов процент правильных ответов выше, чем у иностранных (32% и 18,8%) (Рис. 7). Данные результаты демонстрируют проблему с когнитивным компонентом исторической памяти у студенчества в интернациональном контексте. Также очевидно, что студенты путают даты Второй

мировой войны с датами Великой Отечественной войны. К сожалению, эти утверждения верны для россиян в целом: по данным ВЦИОМ, только треть россиян может правильно назвать дату начала Второй мировой войны, а каждый второй считает, что она началась в 1941 году [8].

Рис. 7. Типы знаний респондентов о событиях Второй мировой войны

В большинстве регионов у студентов преобладают неисчерпывающие знания о событиях Второй мировой войны, за исключением студентов из СНГ, среди которых 36,1% обладает исчерпывающими знаниями, а у 34,7% они неисчерпывающие. У студентов из Африки оказалось наибольшее количество не ответивших (30,7%) (Рис. 8).

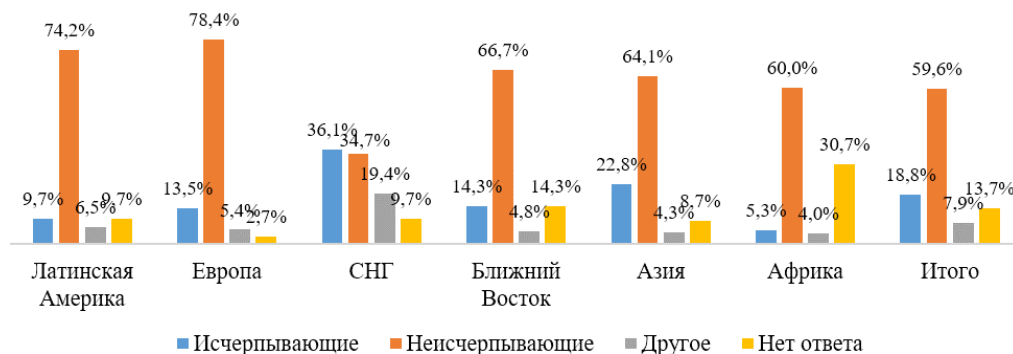

Рис. 8. Типы знаний респондентов о событиях Второй мировой войны

Третьим индикатором является память. Согласно результатам опроса половина (51,5%) респондентов не дала ответ на вопрос об известных им мероприятиях, посвященных Второй мировой войне и не смогла рассказать личные истории семьи, связанные с войной. В остальном можно говорить о том, что у студентов «жесткая» память преобладает над «мягкой» (23,5% и 4,7%), но каждого пятого (20,3%) присутствует «мягкая» и «жесткая» память одновременно, т.е. память «полная». Большая часть иностранных студентов не смогла ответить на вопросы (76,2%), у них присутствует в большей степени «жесткая» память (12,8%). Почти в равной степени у российских респондентов выявлена «полная» память и «жесткая» (30,9% и 30,4%) (Рис. 9).

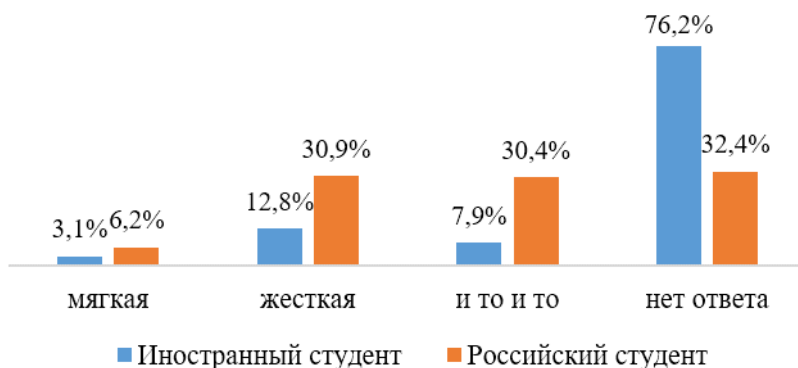

Рис. 9. Типы памяти респондентов о Второй мировой войне

В основном у иностранных студентов, за исключением стран СНГ, нет личных или семейных историй, связанных со Второй мировой войной, они не знают о многих мероприятиях, посвященных войне (многие не ответили на данные вопросы). Можно отметить, что у студентов из СНГ преобладает наличие как «жесткой», так и «мягкой» памяти одновременно (22,2%), т.е. «полной» памяти, а у студентов из Европы превалирует «жесткая» память (21,6%) (Рис. 10).

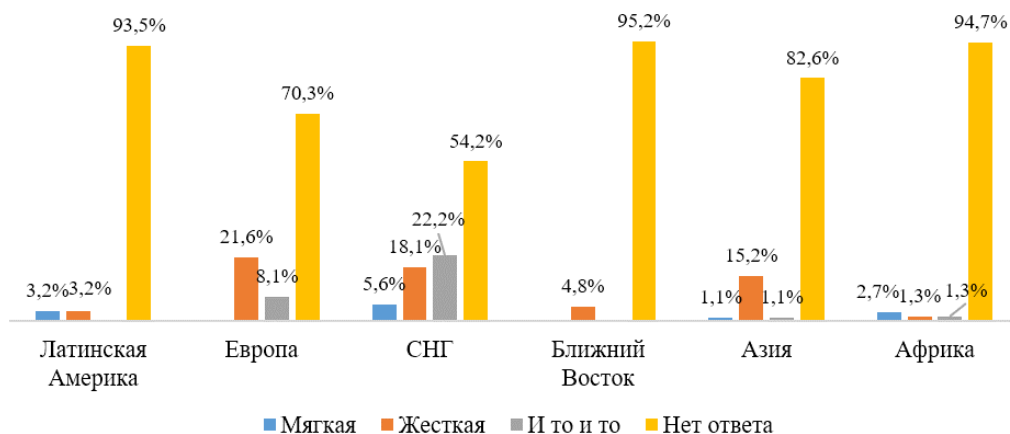

Рис. 10. Типы памяти респондентов о Второй мировой войне

Проанализировав все интегральные переменные — память, знания и справедливость, можно сделать расчет по типам исторической памяти и определить, какие типы исторической памяти преобладают среди студентов РУДН. Большинство обладают эмоционально-историческим типом памяти (23,1%), характеризующимся наличием «мягкой» памяти, т.е. семейных историй о войне, неисчерпывающими знаниями о датах войны и склонностью полагать, что в войне победил СССР, либо сочетанием двух из перечисленных компонентов (чаще последними двумя). Следующий по популярности тип

исторической памяти — формально-исторический (18,1%), характеризующийся наличием «жесткой» памяти, т.е. знанием и посещением официальных памятных мероприятий, исчерпывающими знаниями о датах войны и склонностью полагать, что в войне победил СССР, либо сочетанием двух из перечисленных компонентов. Каждый шестой респондент (15,8%) обладает «беспамятством». Мифологически-исторический и субъективно-исторический типы памяти наблюдаются у меньшинства (по 0,6%) (Рис. 11) — это те типы, согласно которым нивелируется роль СССР в Победе.

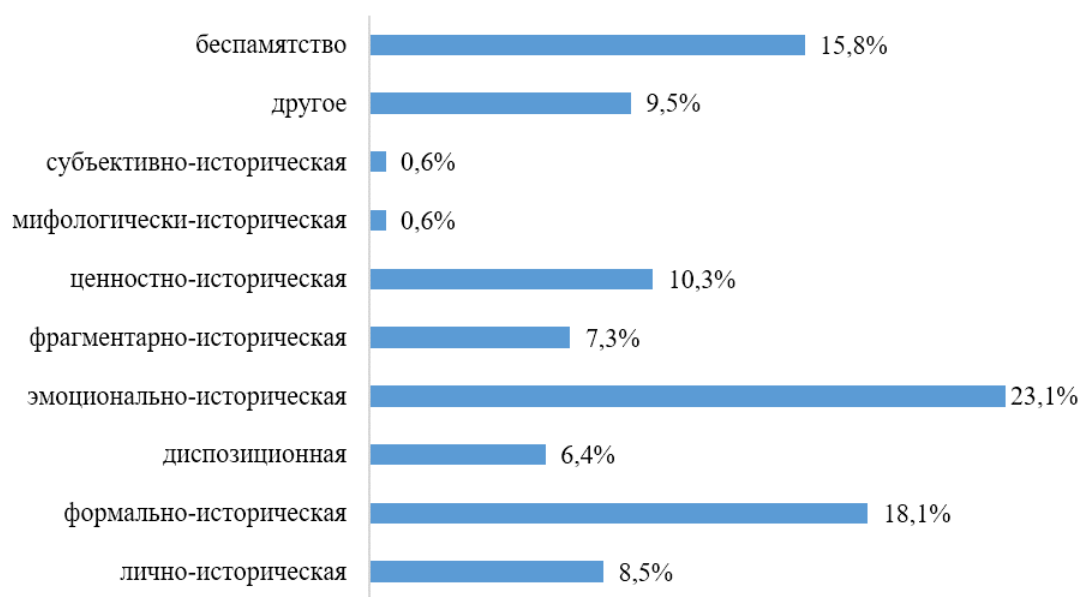

Рис. 11. Типы исторической памяти у студенчества РУДН

У иностранных студентов преобладают эмоционально-исторический и формально-исторический типы памяти (35,1% и 12% соответственно), 25,4% иностранных студентов обладают «беспамятством». Среди российских студентов преобладают формально-исторический, эмоционально-исторический и ценностно-исторический типы памяти (22,2%, 15,6% и 10,3%). Доля обладающих «беспамятством» российских студентов гораздо ниже, чем среди иностранцев — 7,6% (Рис. 12). Среди иностранных студентов преобладает эмоционально-исторический тип памяти, в основном это студенты из Европы (59,5%), Ближнего Востока (52,4%) и Латинской Америки (48,4%). Мифологически-историческим типом памяти обладают только респонденты из Азии (1,1%). Большинство респондентов из Африки обладают «беспамятством» (53,3%). Студенты из стран СНГ в большей степени характеризуются формально-историческим типом памяти (19,4%).

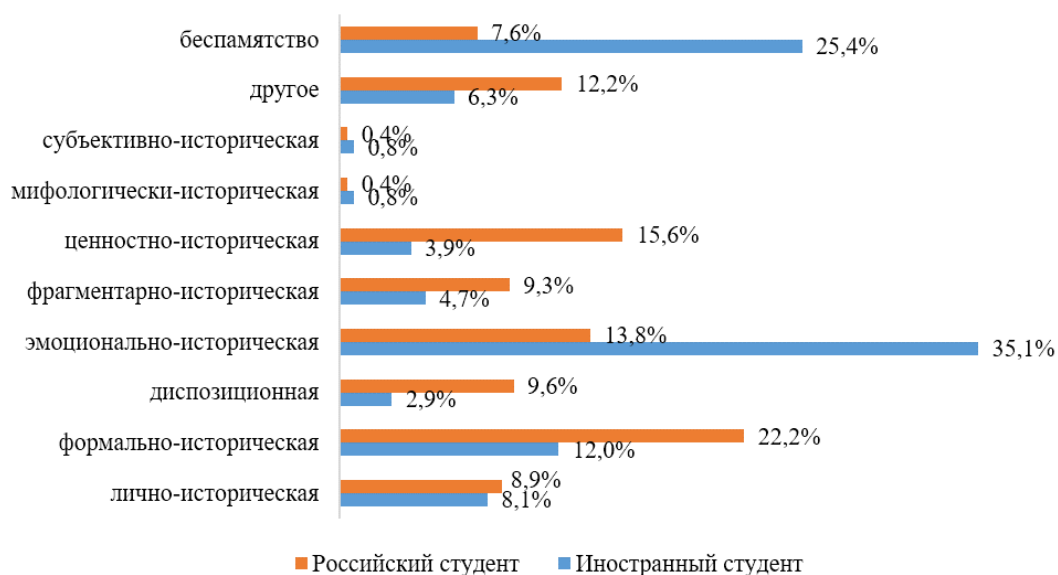

Рис. 12. Типы исторической памяти. Распределение по гражданству

Представленная типология, безусловно, не претендует на абсолютную объективность, но может быть взята на вооружение для аналогичных исследований вузовской молодежи. Также дальнейшими направлениями развития исследования может стать поиск факторов, детерминирующих тот или иной тип памяти.

Информация о финансировании

Статья подготовлена в рамках Инициативной НИР № 100237-0-000 «Реконструкция исторической памяти в контексте социальной справедливости: к 75-летию Великой Победы».

Библиографический список

- [1] *Ассман А.* Забвение истории — одержимость историей. М.: НЛЮ, 2019.
- [2] *Божок Н.С.* Социологическое содержание понятия «Историческая реконструкция» // *Вестник СГТУ*. 2013. № 3.
- [3] *Вяземский Е.Е.* Проблема фальсификации истории России и общее историческое образование: теоретические и практические аспекты // *Проблемы современного образования*. 2012. № 1.
- [4] *Историческая память: преемственность и трансформации («круглый стол»)* // *Социологические исследования*. 2002. № 8.
- [5] *Мысливец Н.Л., Романов О.А.* Историческая память как социокультурный феномен: опыт социологической реконструкции // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2018. Т. 18. № 1.
- [6] *Панях Э.* Сдвиг по истории // <https://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2020/02/20/823452-sdvig-istorii>.
- [7] *Романова К.С.* Дискурсы исторической памяти // *Дискурс-Пи*. 2016. № 3—4.
- [8] Россияне о Второй мировой войне: причины, союзники, противники // <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9869>.

- [9] *Троцук И.В.* Помнить или забыть: Значение выбора для прошлого и настоящего // Социологический журнал. 2015. № 1.
- [10] *Trotsuk I.* Instead of a review; or, What, and thanks to whom, do we know about a man at war? // *Russian Sociological Survey*. 2015. Vol. 14. № 4.

DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-292-306

Typology of historical memory about the World War II: Methodological aspects of the study (on the example of the RUDN students)*

Zh.V. Puzanova¹, N.P. Narbut^{1,2}, T.I. Larina¹, A.G. Tertyshnikova¹

¹RUDN University
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

²Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
Krzhizhanovskogo St., 24/5–5, Moscow, Russia, 117218
(e-mail: puzanova-zhv@rudn.ru; narbut-np@rudn.ru;
larina-ti@rudn.ru; tertyshnikova-ag@rudn.ru)

Abstract. The study of mass consciousness is one of the most pressing sociological issues. Historical memory is a part of mass consciousness, and it is obvious that the historical memory about any event has its specifics in different societies. Today memories about the World War II became an object of manipulation for various political forces that aim at changing public opinion in favor of particular parties, and the youth is especially affected by such influence. The student youth is a reactive social force and can subsequently transfer such influence into actions. Therefore, the study of the international students' types of historical memory provides a unique opportunity to reveal the global perception of the World War II. The article presents a typology of historical memory based on the classical structure of social attitude as consisting of affective (views on the justice of the war results), cognitive (knowledge of the war milestones) and behavioral components (knowledge and participation in commemorative events, and family stories). There are nine types of historical memory: personal-historical, dispositional, formal-historical, emotional-historical, fragmentary-historical, mythological-historical, subjective-historical, value-historical, 'lack-of-memory'. The majority of students have an emotional-historical, formal-historical types and 'lack-of-memory'. Without 'lacking-memory' students, the share of which is smaller among Russian students, foreign students have mainly an emotional-historical and formal-historical types of memory, while Russian students rather formal-historical and value-historical types. The article explains the way for identifying types of memory. Thus, it can be useful for methodologists and researchers in sociology of history.

Key words: World War II; historical memory; Russian students; foreign students; reconstruction of history; falsification of history

Funding

The article is a part of the Initiative Research Project No. 100237-0-000 "Reconstruction of historical memory in the context of social justice: To the 75th anniversary of the Great Victory".

* © Zh.V. Puzanova, N.P. Narbut, T.I. Larina, A.G. Tertyshnikova, 2020.
The article was submitted on 18.01.2020. The article was accepted on 02.03.2020.

References

- [1] Assmann A. *Zabvenie istorii — oderzhimost istoriey* [Oblivion of History — Obsession with History]. Moscow: NLO; 2019 (In Russ.).
- [2] Bozhok N.S. Sotsiologicheskoe sodержanie ponyatiya “Istoricheskaya rekonstruktsiya” [Sociological content of the concept ‘Historical reconstruction’]. *Vestnik SGTU*. 2013; 3 (In Russ.).
- [3] Vyazemskiy E.E. Problema falsifikatsii istorii Rossii i obshchee istoricheskoe obrazovanie: teoreticheskie i prakticheskie aspekty [The issue of falsification of the Russian history and general historical education: Theoretical and practical aspects]. *Problemy Sovremennogo Obrazovaniya*. 2012; 1 (In Russ.).
- [4] Istoricheskaya pamyat: preemstvennost i transformatsii (‘krugly stol’) [Historical memory: continuity and transformations (‘round table’)]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2002; 8 (In Russ.).
- [5] Myslivets N.L., Romanov O.A. Istoricheskaya pamyat kak sotsiokulturny fenomen: opyt sotsiologicheskoy rekonstruktsii [Historical memory as a social-cultural phenomenon: An attempt of sociological reconstruction]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (1) (In Russ.).
- [6] Paneyakh E. Sdvig po istorii [Shift in the history]. <https://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2020/02/20/823452-sdvig-istorii> (In Russ.).
- [7] Romanova K.S. Diskursy istoricheskoy pamyati [Discourses of historical memory]. *Diskurs-Pi*. 2016; 3–4 (In Russ.).
- [8] Rossiyanе о Vtoroy mirovoy voyne: prichiny, soyuzniki, protivniki [Russians about the World War II: causes, allies, enemies]. <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9869> (In Russ.).
- [9] Trotsuk I.V. Pomnit ili zabyt: Znachenie vybora dlya proshlogo i nastoyashchego [To remember or to forget: Implications of the choice for past and present]. *Sotsiologichesky Zhurnal*. 2015; 1 (In Russ.).
- [10] Trotsuk I. Instead of a review; or, What, and thanks to whom, do we know about a man at war? *Russian Sociological Survey*. 2015; 14 (4).